

В заключение нельзя не отметить очевидную удачу перевода текстов на русский язык. В своем переводе И. Н. Винников с большим успехом сочетает научную точность с тонким художественным вкусом, передает речевой строй и дух восточного подлинника. Уместно вспомнить, что В. М. Жирмунский, глубоко интересовавшийся среднеазиатским эпосом, высоко ценил работу И. Н. Винникова.

Итак, в научный обиход введен ценный лингвистический и фольклорный материал, имеющий важнейшее значение для изучения бухарских арабов.

М. А. Родионов

М. Я. Сушанло. Дунгане (историко-этнографический очерк). Фрунзе, 1971, 305 стр.

Изучение культуры и быта народов Советского Союза — важная и актуальная задача советских ученых-этнографов как с научной, так и с политической точки зрения. В 1966 г. закончено издание 18-томной серии «Народы мира», большая часть ее посвящена народам СССР. Значительным достижением советской этнографической науки следует считать опубликованные в последние годы монографии, посвященные конкретным народам нашей Родины («Ульчи» А. В. Смоляк, «Ненцы» Л. В. Хомич, «Нивхи» Ч. М. Таксами, «Кеты» Е. А. Алексеенко, «Эвенки» Г. М. Василевич, «Коряки» В. В. Антроповой, «Киргизы» С. М. Абрамзона и др.).

Только что опубликованная Отделом востоковедения Академии наук Киргизской ССР монография М. Я. Сушанло «Дунгане (историко-этнографический очерк)», несомненно, займет достойное место среди работ такого рода. Автор ее — Мухаммед Ясызович Сушанло — первый дунганин, получивший ученую степень доктора наук. Ученый совет Института этнографии АН СССР в Москве в 1970 году единогласно присудил ему эту степень. М. Я. Сушанло широко известен специалистам по этнографии народов Средней и Восточной Азии как автор большого количества работ по этнографии, истории, фольклору, филологии дунган, вышедших на русском, дунганском и киргизском языках.

Рецензируемая монография — итог кропотливого и многолетнего изучения вопросов происхождения дунган, их хозяйства и занятий, материальной и духовной культуры.

Проблеме происхождения дунган в научной литературе уделялось много внимания, высказано много различных точек зрения. Автор вполне обоснованно отвергает теорию уйгурского происхождения дунган. Справедливо признавая, что проблема этногенеза дунган является весьма сложной и дискуссионной, автор несколько по-новому подходит к решению проблем формирования северной группы китайских дунган, обосновывает участие их в формировании оседлых тангутов и подчеркивает среднеазиатские, прежде всего ирано-таджикские, а также арабские напластования, с которыми и проник ислам в Китай в VIII в. Потомки именно северной группы дунган бежали из Китая в 70—80 годы XIX в. после поражения дунганского восстания против правившей тогда в Китае маньчжурской Цинской династии и поселились в Средней Азии, среди казахов и киргизов.

Однако при разработке вопросов этнической истории северной группы дунган М. Я. Сушанло недостаточно подчеркивает тот факт, что северные китайцы, составившие основной пласт в этногенезе этой группы дунган, сами являются сложным этническим образованием, впитавшим в себя многие разнородные этнические компоненты, прежде всего тибетские, иранские, тюркские и другие. Таким образом, к началу формирования хуэй как этно-конфессиональной группы северные китайцы, особенно их западные группы, уже включали в свой состав тибето-тангутские и иранские компоненты. Увеличение доли последних в этнической истории северных хуэй играло значительную роль в формировании особенностей их антропологического облика.

Убедительно, с привлечением нового полевого этнографического материала написана вторая глава «Хозяйство и занятия». Значительный научный интерес представляет третья глава, посвященная материальной культуре дунган. В книге подробно описаны дунганские орудия труда, промыслы и ремесла, жилище, пища, одежда и украшения. Большой заслугой автора является то, что ему удалось показать не только специфически дунганское как в области хозяйственной деятельности, орудий труда, так и в материальной культуре, но и проследить основные направления изменения их в ходе взаимосвязей и взаимовлияний дунганского населения и окружающих его узбеков, киргизов, казахов, русских, украинцев и др. в процессе строительства социализма этими народами.

Значение собранного М. Я. Сушанло материалов по этнографии дунган будет возрастать, так как многое уходит из жизни, и его описание приобретает характер источника, а документированность приведенного им материала абсолютна¹. Значение этих

¹ В конце книги приложен список информаторов, сообщавших в течение многих лет полевой работы М. Я. Сушанло этнографические сведения. Знакомство со списком показывает, что информаторы были выбраны удачно: это люди старшего поколения, мужчины и женщины, из разных районов расселения дунган.

разделов будет нами еще больше понято и высоко оценено при работе над историко-этнографическим атласом народов Средней Азии и Казахстана.

Для любого автора, пишущего историко-этнографический очерк, наиболее труден раздел, посвященный духовной культуре. Следует признать, что этот раздел, равно как и другие, написан на достаточно высоком научном уровне. Не вызывает возражений основной вывод автора, что все виды народного творчества дунган — фольклор, народная музыка, народные игры, прикладное искусство, народные знания и т. д. являются как бы синтезом исторических судеб дунган и взаимосвязей их с другими соседними народами. Подчеркивая, что все дунгане — мусульмане, автор сумел проанализировать доисламские религиозные воззрения (культ природы, обожествление различных растений, животных и т. д.). Однако остается неясным, кому принадлежали эти доисламские верования: ведь формирование самих дунган связано с исламом, т. е. дунган до проникновения ислама просто не существовало.

Большую идеологическую нагрузку несет в себе Заключение. Автор подчеркивает, что «только Великая Октябрьская социалистическая революция принесла народам России, в том числе и дунганам Средней Азии и Казахстана, социальное и национальное освобождение». В процессе социалистического строительства у дунган произошла коренная ломка старого быта и традиций. Если первоначально колхозы в Ирдыке, Александровке, Миянфане и т. д. были почти исключительно дунганскими, то в период бурного роста колхозного движения, особенно в послевоенный период, они стали крупными современными хозяйствами с многонациональным составом. Пышно расцвела социалистическая культура, получило дальнейшее развитие народное образование, в том числе преподавание дунганского языка. Из среды дунган сформировалась интеллигенция.

В книге приложен обширный список использованной литературы. Несомненным достоинством книги являются оригинальные рисунки орудий труда и фотографии жилищ, одежды, музыкальных инструментов и т. д.

Как уже отмечалось выше, в работе М. Я. Сушанло есть некоторые недостатки, которые при переиздании книги легко можно устранить.

Нами замечен ряд лакун в довольно полной библиографии. К сожалению, не использованы такие крупные работы как исследование А. Калимова «Дунганский язык», опубликованная в пятом томе серии «Языки народов СССР» (Л., 1968), монография П. Г. Галузо «Аграрные отношения на юге Казахстана в 1867—1914 гг.» (Алма-Ата, 1968) и ряд других.

В книге не выправлен ряд досадных неточностей. Так, работа Линь Ганя «Об этногенезе дунган», опубликованная в 1954 г. в журнале «Советская этнография», помещена на стр. 301 в список литературы на китайском и западноевропейских языках.

Однако эти замечания не снижают общей положительной оценки работы М. Я. Сушанло.

Жаль, что работа М. Я. Сушанло издана столь малым тиражом — всего 800 экз.

А. М. Решетов, Н. Н. Чебоксаров

НАРОДЫ ЗАРУБЕЖНОЙ ЕВРОПЫ

Г. И. Анохин. Общинные традиции норвежского крестьянства. М., 1971, 208 стр.

Обильная норвежская аграрно-историческая и историко-правовая литература, в особенности исследования сотрудников Института сравнительного изучения культур в Осло (1920—1950-х годов), неопровержимо доказали наличие в Норвегии в не столь отдаленном прошлом соседской общины, несмотря на преимущественно дворовый, а не деревенский тип сельского поселения в этой стране, даже в докапиталистические эпохи. Накопленный материал заслуживал исторического обобщения с марксистских позиций, тем более что норвежские и другие специалисты по истории и праву Норвегии до сих пор либо описывали общинные порядки систематически, безотносительно к отдельным эпохам и периодам, либо, напротив, сосредоточивались на строго ограниченных периодах существования сельской общины в изучаемой стране.

Рецензируемая книга — первая монография автора — как раз и привлекает протяженностью своей темы — от первобытности до нашего времени. В области аграрной и социальной истории трудно назвать отечественную работу такого размаха по любой другой стране зарубежной Европы. Подкупает она и четкой постановкой вопроса: автор изучает «все виды коллективизма, проявляемые в работе, быту, формах взаимопомощи, самоуправления, который порожден общинной собственностью и является выражением жизни общины или ее пережиточных форм» (стр. 9).

Книга Г. И. Анохина основана на весьма обширной научной литературе, включая ценные журнальные статьи из малодоступных норвежских периодических изданий XIX — начала XX в., а для отдельных исторических эпох, особенно для средневековья, также и широко круг печатных источников. Раздвинутый до предела охват темы и досадная, отнюдь не по вине самого автора, недостаточность главного источника по истории общины XIX—XX вв. — полевых материалов сотрудников норвежского Института сравнительного изучения культур — помешали автору с равной степенью глубины